

Карл Поланьи

САМОРЕГУЛИРУЮЩИЙСЯ РЫНОК И ФИКТИВНЫЕ ТОВАРЫ: ТРУД, ЗЕМЛЯ И ДЕНЬГИ

Karl Polanyi. The Self-Regulating Market and the Fictitious Commodities: Labor, Land and Money. In: K. Polanyi. The Great Transformation. N.Y.: Farrar & Rinehart, Inc., 1944, p.68–76.

© Karl Polanyi, 1944

Перевод А.В.Белянина

Анализ истории экономических систем и рынков свидетельствует, что во все эпохи, предшествующие нынешней, рынки были не более чем вспомогательным инструментом экономической жизни. Как правило, экономическая система оказывалась включенной в более широкую социальную систему, и независимо от того, какой именно принцип поведения субъектов преобладал в экономике, рыночные структуры оказывались совместимы с ним. Принцип бартера или обмена, который служит основой рыночной структуры, сам по себе не содержит внутренней тенденции к расширению за счет остальных сфер. Там, где достигалось наиболее интенсивное развитие рынков, например, в меркантилистской системе, их расцвет обеспечивался благодаря контролю центральной администрации, которая навязывала свою волю как рядовым крестьянским хозяйствам, так и нации в целом. Регулирование и рынки на практике росли одновременно. Саморегулирующийся рынок изначально не существовал, и даже само возникновение идеи саморегулирования в корне противоречило основным тенденциям развития общества. Только в свете этих фактов могут быть правильно поняты те специфические предпосылки, которые легли в основание современной рыночной экономики.

Рыночная экономика – это экономическая система, которая контролируется, регулируется и управляется только рыночными законами; этому же механизму саморегулирования вменяется организация производства и порядок распределения благ. Модель экономики такого типа базируется на предпосылке, что человеческое поведение нацелено на максимизацию денежного дохода. Она подразумевает существование рынков, на которых наличное предложение благ (включая услуги) по определенной цене равно спросу по этой же цене. Она также подразумевает наличие денег, которые представляют покупательную силу в руках тех, кто ими обладает. В этом случае производство будет контролироваться ценами, поскольку прибыли тех, кто осуществляет производство, зависят именно от цен; распределение благ также зависит от цен, поскольку цены определяют доходы, на которые члены общества приобретают произведенные блага. При таких предпосылках порядок в системе производства и распределения товаров обеспечивается исключительно ценами.

Кроме того, саморегулирование подразумевает, что весь объем произведенных благ предназначен для продажи на рынке, и что все доходы проистекают из таких продаж. Соответственно, существуют рынки элементов производства: не только товаров и услуг, но также труда, земли и денег. Их цены называются, соответственно, ценами товаров, заработной платой, рентой и процентом. Эти термины в явном виде указывают на зависимость доходов от цен: процент – это цена использования денег, он составляет доход тех, кто способен эти деньги предоставить; рента – цена пользования землей, она образует доход тех, кто предлагает эту землю для использования; заработная плата – цена использования труда, образующая доход тех, кто его продает. Наконец, цены товаров составляют доход тех, кто продает свои предпринимательские способности; доход, иначе называемый прибылью, образуется как разница между двумя наборами цен: ценами произведенных товаров и издержками их производства, то есть ценами тех товаров, которые для этого производства необходимы. Если все эти условия выполняются, все доходы будут проистекать из продаж на рынке, а их величина будет как раз достаточна для того, чтобы купить все произведенные товары.

Следующая группа предпосылок касается роли государства и его политики. Ничто не должно мешать формированию рынков, точно так же, как доходы не должны образовываться иначе как в процессе продажи. Ни при каких условиях не должно осуществляться никакого вмешательства в процесс приспособления цен к изменениям рыночных условий – будь то цены товаров, труда, земли или денег. Таким образом, не только должны существовать рынки всех элементов производства¹, но должны быть запрещены любые политические меры, которые могут повлиять на функционирование этих рынков. Ни цена, ни предложение, ни спрос не должны фиксироваться или регулироваться; признаются возможными только такие меры политического вмешательства, которые способствуют обеспечению саморегуляции рынка путем создания условий, делающих рынок единственной организующей силой в сфере экономики.

Чтобы лучше представить себе, что все это означает, обратимся к меркантилистской системе и национальным рынкам, развитию которых она так заметно способствовала. В условиях феодализма и цеховой системы земля и труд непосредственно составляли часть социальной организации (деньги тогда еще не развились до такой степени, чтобы стать основным элементом производства). Земля была стержнем феодального порядка, основой военной, юридической, административной и политической системы; ее статус и функции определялись законодательно утвержденными нормами и общепринятыми правилами. Независимо от того, имел ли владелец право на передачу земли, и если да, то кому и на каких условиях; что понималось под правами собственности; как именно могли использоваться те или иные земли, – все эти вопросы исключались из сферы купли-продажи и подлежали совершенно отличному от них типу институционального регулирования.

¹ См.: Henderson, 1922. Рынок имеет двоякую функцию: распределение факторов производства между разными способами их использования, с одной стороны, и упорядочение сил, воздействующих на совокупное предложение факторов – с другой.

То же самое справедливо и в отношении организации труда. В условиях цеховой системы (как и в условиях любой другой экономической системы прошлого), мотивы и обстоятельства производственной деятельности включались в систему общей социальной организации. Отношения мастера, поденщика и подмастерья; условия труда; число подмастерьев; заработная плата рабочих, – все это регулировалось правилами и обычаями цеха и города. Чего действительно добился меркантилизм – так это унификации этих условий посредством статутов, как в Англии, или посредством «национализации» цехов, как во Франции. Что же касается земли, то ее феодальный статус был отменен лишь в той мере, в какой он был связан с привилегиями провинций; во всем остальном земля оставалась *extra commercium* (вне коммерции – *Прим. пер.*) и в Англии, и во Франции. Во Франции земельная собственность оставалась источником социальных привилегий вплоть до Великой революции 1789 г., а в Англии даже и в более позднее время обычное право в сфере земельных отношений оставалось по преимуществу средневековым. Несмотря на всю свою склонность к коммерциализации, меркантилизм никогда не покушался на святость тех устоев, которые оберегали два основных элемента производства – землю и труд, – от превращения в объекты купли-продажи. В Англии «национализация» трудового законодательства, осуществленная с помощью Статута о ремесленниках (1563 г.) и Закона о бедных (1601 г.), вывела труд из опасной зоны, а направленная против огораживания политика Тюдоров и первых Стюартов являла собой протест против принципа прибыльного использования земельной собственности.

Меркантилизм, как бы настойчиво он ни возводил всеобщую коммерциализацию в ранг национальной политики, заботился о развитии рыночной системы совершенно нерыночными методами. Лучше всего это видно на примере вмешательства государства в развитие промышленности. В этом вопросе не было разногласий между меркантилистами и сторонниками феодального порядка, между государственными мужами и частными инвесторами, между бюрократами-централистами и местнически настроенными консерваторами. Они расходились только по поводу методов регулирования: цеха, города и провинции взывали к силе традиций и обычаев, тогда как новые государственные функционеры предпочитали указы и статуты. Однако и те, и другие одинаково отвергали идею коммерциализации труда и земли – исходного условия формирования рыночной экономики. Ремесленные цеха и феодальные привилегии были отменены во Франции лишь в 1790 г.; в Англии Статут о ремесленниках был аннулирован лишь в 1813–1814 гг., а елизаветинский Закон о бедных – в 1834 г. До последнего десятилетия XVIII в. вопрос об образовании свободного рынка труда ни в одной стране даже не возникал, а уж идея саморегуляции экономической жизни и вообще находилась за горизонтом той эпохи. Меркантилизм уделял внимание прежде всего развитию внутренних ресурсов страны (в том числе – достижению полной занятости) посредством торговли и обмена, принимая традиционную организацию трудовых и земельных отношений как данную. В этом он был столь же далек от современного понимания проблемы, как и в сфере политики, где меркантилистская безусловная вера в абсолютную власть просвещенной деспотии еще не была поколеблена даже намеками на демократию. И точно так же, как переход к демократической и представительной системе в политике означал пол-

ный отказ от основ политического устройства старой эпохи, отказ от регулирования в пользу саморегулирующихся рынков в конце XVIII в. представлял собой коренное изменение всей структуры общества.

Саморегулирующийся рынок, как минимум, требует институционального обособления экономической и политической сфер общественной жизни. С точки зрения анализа общества как целого, это требование на деле есть не что иное, как переформулированное определение саморегулирующегося рынка. Конечно, можно утверждать, что разделение этих сфер имеет место во всех типах общества и во все времена, – однако такое утверждение было бы логически ошибочным. Действительно, ни одно общество не может обойтись без какой-нибудь системы, обеспечивающей порядок в сфере производства и распределения благ. Однако это еще не означает, что во всяком обществе существуют самостоятельные экономические институты, независимые от институтов социальных: экономический порядок обычно является функцией от социального, причем второй обеспечивает первый. Ни при родовом, ни при феодальном, ни при меркантилистском хозяйственном строе независимая экономическая система попросту не существовала. Общество XIX в., в котором экономическая деятельность была впервые обособлена и связана с явно выраженными экономическими мотивами, стало, по существу, исключением.

Такая институциональная структура не смогла бы функционировать, если бы общество в той или иной мере не подчинилось ее требованиям. Рыночная экономика может существовать только в рыночном обществе – мы вывели это положение из общего анализа рыночной структуры, и теперь попытаемся обосновать его более подробно. Рыночная экономика с необходимостью должна включать в себя все элементы производства, в том числе труд, землю и деньги. (В условиях рыночной экономики эти последние одновременно являются основными элементами производственного процесса, и включение их в рыночный механизм имело, как мы увидим, далеко идущие институциональные последствия.) Однако труд и земля – это не что иное, как сами человеческие существа, из которых состоит любое общество, и естественное окружение, в котором оно существует. Включение их в рыночный механизм в качестве составных элементов означает подчинение субстанции самого общества законам рынка.

Теперь мы готовы к тому, чтобы более конкретно рассмотреть институциональную природу рыночной экономики и те опасности для общества, которые она приносит с собой. Прежде всего мы опишем те методы, которыми рыночный механизм контролирует и управляет элементами производственного процесса, а затем попытаемся точно определить природу влияния этого механизма на общество, являющееся объектом его приложения.

Воздействие рыночного механизма на разные стороны производственного процесса может быть объяснено с помощью понятия товара. Эмпирически товар определяется как предмет, произведенный для продажи на рынке; в свою очередь, рынки эмпирически определяются как реальные взаимодействия между покупателями и продавцами. Соответственно, и каждый элемент производства рассматривается как произведенный для продажи, – ибо в этом и только в этом случае он подвергается воздействию механизма спроса и предложения, который определяет цену. Практически это означает, что для каждого элемента

производства должны существовать свои рынки, что на этих рынках все элементы объединены в группы по предложению и по спросу, и что каждый из этих элементов имеет цену, которая зависит от соотношения спроса и предложения. Эти рынки – а их бесчисленное множество – взаимосвязаны и образуют вместе Один Большой Рынок².

Ключевым моментом здесь является следующий: труд, земля и деньги – это основные элементы производства, которые также должны быть организованы в форме рынков; эти рынки, по существу, являются ядром экономической системы. Но труд, земля и деньги по своей природе – явно не товары; утверждение о том, что все, что покупается и продается, должно быть произведено для продажи, в данном случае явно неверно. Другими словами, если принять эмпирическое определение товара, то эти элементы – не товары. Труд есть не что иное, как другое название человеческой деятельности, неразрывно связанной с самой человеческой жизнью; эта последняя же – существует не для продажи, но совершенно для других целей. Кроме того, трудовая деятельность не может быть оторвана от прочих составных частей человеческой жизни в целом, она не может запасаться или мобилизовываться по мере надобности. Земля – не что иное, как другое название природы, которая человеком не производится. Наконец, современные деньги – знаки покупательной силы в чистом виде, и, как правило, не производятся вообще, но порождаются банковской или государственной финансовой системой. Ни один из этих трех элементов не производится для продажи; характеристика труда, земли и денег как товаров является чисто фиктивной.

Тем не менее именно благодаря такой фикции становится возможным существование реальных рынков труда, земли и денег³. В наши дни они покупаются и продаются на рынке, их спрос и предложение – величины вполне реальные, и все те меры и политика, которые способны помешать складыванию их рынков, *ipso facto* (неизбежно – *Прим. пер.*) поставили бы под угрозу саморегулирование системы. Фиктивный характер этих товаров создает жизненно важный для организации общества принцип, который различными способами влияет почти на все общественные институты, а именно, принцип, в соответствии с которым не должны допускаться никакие установления и никакое поведение, препятствующие реальному функционированию рыночного механизма применительно к фиктивным товарам.

Но применительно к труду, земле и деньгам этот постулат не может быть безоговорочно поддержан. Если допустить, чтобы рыночный механизм был единственной направляющей силой, определяющей судьбу человеческих существ, и их естественной средой обитания, или даже хотя бы управляя величиной и использованием покупательной силы, т.е. денег, – это приведет к гибели общества. Дело в том, что мнимый товар «рабочая сила» нельзя отбросить, использовать без разбора или даже не использовать вообще без того, чтобы на повлиять при этом на

² Hawtrey, 1926. Хоутри усматривает функцию этих рынков в установлении «взаимного соответствия относительных рыночных ценностей всех товаров».

³ Введенное Марксом понятие фетишистского характера стоимости товаров касается меновой стоимости настоящих товаров, и не имеет ничего общего с тем понятием фиктивных товаров, о котором идет речь в данном тексте.

человеческий индивид, который, помимо всего остального, является носителем этого особого товара. Используя человеческую рабочую силу, система, между прочим, будет использовать некое физическое, психологическое и моральное целое, именуемое «человек» и прикрепленное к этому ярлыку. Будучи лишены защитного панциря культурных институтов, человеческие существа погибнут от социальной обнаженности; они умрут как жертвы этого социального сдвига от своих пороков, извращений, преступлений и истощения. Природа распадется на составные элементы; окружающая среда и ландшафты будут разрушены, реки загрязнены, мир на земле подвергнется опасности, потенциал производства продуктов питания и сырья будет уничтожен. Наконец, рыночное управление покупательной силой, т.е. деньгами, будет периодически приводить к ликвидации предприятий, поскольку и недостаток, и избыток денег станут столь же разрушительными для бизнеса, как наводнения и засухи для примитивных обществ. Несомненно, рынки труда, земли и денег являются необходимыми составляющими рыночной экономики. Но ни одно общество, даже в течение самых коротких отрезков времени, не сможет выдержать последствия функционирования такой системы чисто фиктивных ценностей без соответствующей защиты своей человеческой и природной сущности и системы организации своего бизнеса от разрушительной силы этих сатанинских жерновов.

Причина крайней искусственности рыночной экономики коренится в том факте, что сам процесс производства специфически организуется в ней в форме купли и продажи (Cunningham, 1907). Иного способа организации производства и не может быть в торговом обществе, которое приспособливает производство под нужды рынка. В эпоху позднего Средневековья промышленные предприятия, производящие экспортную продукцию, создавались богатыми бюргерами, которые непосредственно контролировали их развитие в своих собственных городах. Позже, в эпоху меркантилизма, производство развивали купцы, которые более не ограничивались рамками городов. Это была эпоха «экспансии», когда торговый капиталист снабжал сырьем национальную промышленность, и он же контролировал процесс производства, развивавшийся уже в чисто коммерческой форме. Именно тогда промышленное производство было совершенно определено почти полностью отдано под руководство купца. Он знал рынок, знал объем и качество существующего спроса, он мог, наконец, обеспечивать поставки, состоявшие в основном из шерсти, натуральных красителей и изредка – ткацких станков или вязальных рам, т.е. товаров, которые использовались в надомном производстве. Если поставки срывались, то это прежде всего било по надомному производителю, поскольку его работа на время прерывалась; но так как дорогое оборудование еще не существовало, то купец ничем особенно не рисковал, беря на себя ответственность за производство. Мощь и размеры этой системы росли в течение веков до тех пор, пока в таких странах, как, например, Англия, шерстяная промышленность не стала ведущей отраслью национальной экономики, охватывающей целые районы страны, в которых производство контролировали торговцы сукном. Именно они, осуществлявшие куплю–продажу, одновременно обеспечивали производство – для этого не требовалась никакая-то особая, специальная мотивация. Для создания благ не требовалось ни стремления к сотрудничеству и взаимной помощи, ни заботы главы семьи о тех, кто находился на его попечении, ни профессиональ-

ной гордости ремесленника за результаты своего труда – ничего, кроме стремления к прибыли, столь знакомого тем людям, чья профессия – покупать и продавать. И вплоть до конца XVIII в. промышленное производство в Западной Европе оставалось простым придатком торговли.

До тех пор, пока машина оставалась сравнительно недорогим и неспециализированным инструментом, эта ситуация не менялась. Тот очевидный факт, что надомный производитель за то же время мог произвести больше продукции, чем раньше, мог побудить его использовать машины для увеличения своих доходов, но сам по себе этот факт не влиял с неизбежностью на организацию производства. Принадлежность дешевой машины работнику или купцу определяла некоторые различия в их социальном положении, и почти наверняка влияла на доходы работника, которые были выше, если он сам владел орудиями труда. Однако это еще не являлось достаточным стимулом для того, чтобы купец превратился в промышленного капиталиста или ограничился ролью кредитора, ссужающего деньгами других купцов. Сбыт товаров приостанавливался редко, большей проблемой продолжало оставаться снабжение сырьем, которое время от времени неизбежно прерывалось. Однако даже в таких случаях потери купца, владевшего машинами, оказывались не очень существенными. К коренному изменению отношения купца к производству привело не появление машин как таковых, а изобретение сложных, а тем самым специализированных машин и оборудования. Хотя новая производственная организация была введена купцом, – факт, который определил все направление процесса исторической трансформации, – лишь использование сложных машин и оборудования привело к появлению заводской системы, а с ней – и к решающему сдвигу в относительном значении торговли и промышленности в пользу последней. Промышленное производство перестало быть придатком торговли, организованного купцом в форме предложений купли и продажи; отныне оно требовало долгосрочных инвестиций и соответствующего риска. Без достаточных гарантий непрерывности процесса производства этот риск был неприемлемо высок.

Но чем больше усложнялось промышленное производство, тем быстрее росло число тех элементов производства, предложение которых надо было постоянно поддерживать. Три из них, конечно, имели особое значение: труд, земля и деньги. В торговом обществе их предложение могло быть организовано единственным образом: через обеспечение возможности купить их. Тем самым они поневоле должны были быть приспособлены для продажи на рынке, то есть стать товарами. Распространение рыночного механизма на эти три элемента производства – труд, землю и деньги, – было неизбежным следствием утверждения заводской системы в торговом обществе. Элементы производства были обречены стать предметами купли–продажи.

Это превращение было синонимом возникновения спроса на саму рыночную систему. Как известно, в рыночной экономике прибыль обеспечивается лишь при наличии саморегулирования с помощью взаимозависимых и конкурентных рынков. Поскольку же развитие заводской системы было организовано как часть процесса купли–продажи, то для поддержания самого процесса производства труд, земля и деньги поневоле вынуждены были превратиться в товары. Разумеется, они не могли стать настоящими товарами, поскольку на самом деле они не

производятся для продажи на рынке. Но фикция их таким образом обретенного бытия становится принципом организации общества. Один из трех элементов выделяется особо: труд – это технический термин, используемый применительно к тем человеческим существам, которые не нанимают других людей, но нанимаются сами. Отсюда следует, что организация труда меняется в соответствии с организацией всей рыночной системы. Но поскольку организация труда – всего лишь другое название формы жизни простого народа, то это означает, что развитие рыночной системы неизбежно сопровождается изменениями самой социальной организации. В соответствии с этим все человеческое сообщество постепенно превратилось в придаток экономической системы.

Достаточно упомянуть параллель между теми опустошениями, которые принесла Англия огораживания, и той социальной катастрофой, которая последовала за Промышленным переворотом. Прогресс достигается, как правило, ценой социальных сдвигов в обществе. Если величина этих сдвигов слишком велика, общество может погибнуть в ходе этого процесса. Тюдоры и первые Стюарты спасли Англию от испанской угрозы, когда начали регулировать ход внешнеторгового обмена, так что он стал для Англии вполне сносным, и в дальнейшем смог быть направлен по более созидательному пути. Но ничто не спасло простых англичан от ужасов промышленной революции. Слепая вера в стихийный прогресс овладела сознанием масс, а самые «просвещенные» с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народа было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действие этого саморазрушающегося механизма.

Таким образом, социальная история XIX в. формировалась под влиянием двух тенденций: развитие рыночной организации применительно к настоящим товарам сопровождалось ростом ограничений на ее применение к фиктивным товарам. В то время, как, с одной стороны, рынки распространились по всей поверхности земного шара, а число товаров, вовлеченных в оборот, выросло в невероятной пропорции, – с другой стороны, различные политические меры и решения были объединены в мощную систему институтов, созданных для ограничения деятельности рынка применительно к труду, земле и деньгам. В то время как формирование мировых рынков товаров, капитала и валютных рынков под эгидой золотого стандарта дало беспрецедентный импульс развитию рыночных механизмов, одновременно проявилось ранее глубоко скрытое движение, противостоящее пагубным проявлениям рыночного контроля за экономикой. Общество само защитило себя от тех опасностей, которые присущи саморегулирующейся рыночной системе – в этом состояла основная отличительная черта исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Cunningham W.** Economic Change. In: Cambridge Modern History, 1907. Vol.1 «The Renaissance».
- Hawtrey G.R.** The Economic problem. L.; N.Y.: Longman, Green & Co, 1926.
- Henderson H.D.** Supply and Demand. L.: Nisbet, 1922.